

Тимофей Шерудило

ИДЕЙНОСТЬ против КУЛЬТУРЫ

2005, 2023

18+

Тимофей Шерудило

Идейность против культуры

«Автор»

2026

Шерудило Т. А.

Идейность против культуры / Т. А. Шерудило — «Автор», 2026

Интеллигенция наших дней видит себя жертвой революции, всецело одобряя цели «освободительного движения». Неслучайно так важен для нее Сталин и так малоинтересен Ленин; неслучайно и презрительное отношение ее к исторической России... Ее черно-белый взгляд на мир удивительно напоминает ленинское мировоззрение. Не потому ли, что интеллигенция выносила Ленина и революцию? О странных отношениях взаимной неприязни и в то же время зависимости, связывающих русскую интеллигенцию и советский «новый порядок», и говорит этот очерк.

© Шерудило Т. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Идейность против культуры	5
I	5
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Тимофей Шерудило

Идейность против культуры

Идейность против культуры

I

Русской государственной власти в эпоху Романовых удалось создать образованный класс, но не удалось привить ему хоть какое-то представление о собственном назначении. Впрочем, власть, может быть, и сама до конца не знала, зачем он нужен. Русское культурное общество существовало, от Петра и до 1917 года, но до самого своего конца так и не знало, зачем существует. Это культурное общество, с начала и до конца своего существования, отличалось отсутствием каких-либо твердых принципов, традиций, верований, кроме тех, которые в качестве очередной моды заимствовались у Запада; и единственно твердым в его текучих, неопределенных и лишенных твердости настроениях было отвращение к государственной власти и ее делу. Сама интеллигенция — в той ее части, которая смутно чувствовала неестественность положения дел, — возлагала ответственность исключительно на «самодержавие», т. е. на власть, независимую от участия общественности. Однако надо сказать правду: русская общественность еще задолго до революции была неспособна к государственным делам. Если политические суждения Пушкина были трезвыми, то они были и исключительными.¹

К сожалению, дело, которым занималась значительная часть русской интеллигенции от Радищева до Ленина, можно сравнить только с пробиванием дыры в днище большого корабля, идущего по глубокому морю. После долгих усилий дело это имело успех, и интеллигенция потонула вместе с ненавистным ей кораблем.

Интеллигент чужд своей стране или он не интеллигент. Коренной чертой интеллигента можно назвать его неукорененность ни в каком порядке вещей или идей. Он беспочвен, отечества и религии не имеет, и вместо цельного мировоззрения или хотя бы прочной традиции обладает идейностью, т. е. набором моральных прописей, приложенных к общественным, государственным и духовным вопросам. Моральное негодование вместо суждений по существу — основной признак взгляда на вещи, известного в наши дни под именем «идеологии» или идейности.

«Идейность», как она себя проявила в русской истории, всегда означала полное безмыслие, и наоборот — где начиналась мысль, т. е. вопросы и сомнения, оттуда как-то сами собой уходили идеи. Ярлык «безыдейности» доставался мыслящим; те же, кто верил, будто ответы на все вопросы уже получены, и притом из самых достоверных источников, щеголяли идейностью. Достаточно вспомнить Достоевского и его либерально-демократических критиков. Мысль («Не веруешь — не веруй, но хоть помысли!») была на стороне Достоевского. Добролюбов же, например, проповедовал: «Литература представляет собой силу служебную, кото-

¹ По той же причине миссия русской эмиграции — сохранение культурных традиций для будущих поколений — оказалась невыполненной. Успех в этом деле мог сопутствовать только той эмиграции, которая своей мечтой и целью ставила бы восстановление разрушенного катастрофой государственного порядка; которая хотела бы Реставрации, а не «примирения с революционной действительностью». Именно поэтому культурное ядро нашей эмиграции — Струве, Шмелев, Ильин, Франк, Ходасевич, Бунин, Карташев — было так немногочисленно, и члены его бывали постоянно осмеиваемы и порицаемы современниками. Эмиграция, в большинстве своем, не хотела никакого восстановления; вполне разделяла радость русских разрушителей и различалась с ними только в темпераменте.

рой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует». ²

Нельзя сказать, будто в России, «в силу ее отсталости», произошло нечто такое, чего не происходило на Западе. Напротив. Особенность русской революции в том, что в России в кратком, сгущенном и сжатом виде произошло то, на что Западу понадобилось более столетия. Все речи о будто бы исключительно «русском» и, следовательно, «варварском» ее характере — плод непонимания. Чтобы добиться той же цели в более короткое время, приходилось иначе действовать. Там, где западный либерализм действовал соблазном, призывом к гордости, искушением — русской революции пришлось применять насилие. Зато теперь, когда цвет нескольких поколений был истрачен и выросли и созрели уже поколения, чуждые всей прежней России — мы видим, как хорошо и как гладко (говоря не с восхищением, а с ужасом) был выкошен луг. Россия стала наилучшей почвой для усвоения западных идей, как будто вся русская смута, всё «освободительное движение» для того и затевалось, чтобы убрать последнюю великую преграду с пути эгалитарного прогресса... Россия стала девственно-восприимчива к западному влиянию — именно тогда, когда это влияние сделалось до конца тлетворным; когда дыхание Запада стало вполне ядовито; когда у великой прежде кузницы идей и вещей нельзя заимствовать ничего, кроме болезней, уродств и извращений поздней, окончательной и бесплодной свободы.

Наше несчастье — в долговременном отсутствии уважения к силе, к сильной личности, что еще хуже — к культурной силе. До известной степени это спасло нас от иных бед, достаточно посмотреть на современный Запад с его культом силы — но, впрочем, не культурной силы. Если гуманизм и самобожие питались преувеличенным почтением к человеческой личности и земной культуре, то на русской почве произросло нечто прямо противоположное: презрение и подозрение ко всякой силе, и что хуже всего — к силе культуры. Только поэтому русский интеллигент мог видеть в «народе» (т. е. в простонародье) образец для подражания, в государственной власти — тяготу и обузу («обузу», которая взяла на себя труд просвещения и охраны культуры — со всеми оговорками, какие можно сделать в отношении Петра и его наследников), презирая себя самого как ненужного тунеядца. Только на такой почве могло возникнуть учение Толстого о каком-то безумном «опрощении».

Вот вкратце основное натяжение, точка будущего (то есть, для нас — уже прошедшего) излома русской истории: просветительная и умеренно-европейская власть; не ценящая ни самой себя, ни своей государственности и культуры интеллигенция, лишенная патриотизма и религии и смотрящая на всё исключительно с точки зрения отвлеченной, беспощадной морали. Я бы даже сказал, что чудовище «идейности» выросло именно из этого бескрыло-морального, нетерпимого (вовне) и безвольного (вовнутрь) умонастроения.

Хотя Толстой выступил со своей проповедью гораздо позже «Современника», Писарева и Добролюбова, его вдохновлял тот же исключительно моральный дух 60-х годов. Государство? Религия? Искусство? Любовь? Всё приносилось в жертву морали. Уже говорилось, что нигилисты были людьми весьма нравственными, несмотря на все их «страшные» речи. Вернее, думаю, сказать, что они были людьми высокоморальными, ³ одной только морали служили и поклонялись. Озлобленный моралист — сочетание отнюдь не невозможное. С годами мораль постепенно мельчала, злоба росла; борьба с «глупой и аморальной» действительностью постепенно становилась самоцелью — и наконец явился «профессиональный революционер», без морали вовсе. Надо заметить, впрочем, что после недолгого торжества самых диких инстинк-

² «Луч света в темном царстве».

³ Возможно, это разделение покажется надуманным, но я бы сказал, что «нравственность» — более от сердца и совести, «мораль» же — нечто холодное, головное; божок, которому служат.

тов (1917 — 1927) революционная власть вернулась к привычным упражнениям на моральные темы, за которыми, однако, не стояло никакой деятельной нравственной жизни.

Важно отметить, что ни «моральность» (не как нравственность, а как любовь к морали как таковой), ни «идейность», свойственные всей революционной эпохе, не были чем-то чуждым русскому образованному классу, чем-то таким, что ему пришлось бы навязывать силой. Революционная власть и интеллигенция действительно были связаны крепкой связью, которая стала слабеть и рваться только к 70 гг. XX века, когда как идеи, так и мораль окончательно потеряли кредит, западный идеал вненравственной свободы укоренился на русской почве, и от слепого подчинения западному влиянию (которое всё же случилось в конце прошлого века) Россию удерживала только государственная власть...

«Идейность и партийность» родились у нас не в 1917 году, и не Ленин был их изобретателем. Корни их глубже и дальше. Достаточно только вспомнить, сколько раз на Руси восхваляли «смелую и честную» мысль! «Смелая и честная» — это ведь совершенно этические категории, не имеющие никакого отношения к действительным достоинствам мысли. Мысль может быть истинной или ложной, глубокой или поверхностной, остроумной или пошлой — но о ней невозможны суждения с точки зрения этики. В русском образованном классе, по причинам, для меня пока что неясным, все меры и оценки (культурные, государственные, религиозные) были вытеснены плоско-этическим, рассудочно-этическим взглядом на вещи. Соответствует ли нечто моральным прописям или не соответствует? Вот где это мировоззрение видело основной вопрос — точно так же, как современный западный наступательный морализм, для которого несоответствие требованиям уравнилительной морали выглядит — вот ирония! — куда страшнее нарушения Десяти заповедей.

Нужно сказать и подчеркнуть: не цели, но средства революции ужасали интеллигенцию. Цели ее: борьба против религии, коренная демократизация (т. е. упрощение и уплощение) общества, равные права, привычки, образованность — были издавна любезны русскому образованному классу; он был враждебен правительству ровно настолько, насколько оно не разделяло эгалитарно-демократических верований. Немногие готовы принять очевидную мысль: русская революция была демократическим движением при недемократичных способах достижения цели, и способы эти не в последнюю очередь объяснялись тем, что Россия (в отличие от западного общества второй половины XX века) без насилия не приняла бы либерально-демократического, эгалитарного (т. е. враждебного высшему развитию и культуре) мировоззрения.

В 1970-е гг. интеллигенция и власть у нас разошлись, от союза перешли к противостоянию, и причиной тому была мораль, вернее, необходимость следовать некоей предписанной морали. Интеллигентское неприятие, даже отрицание «идейности» не следует переоценивать, потому что за этим отрицанием не стояло никакого положительного мировоззрения, только всё те же «идеи», но уже другого, либерально-западного духа, точно так же легкомысленно, без внутреннего труда и доказательств, принятые на веру... Острым ножом и камнем преткновения для значительной части интеллигенции была именно моральность (по меньшей мере, внешняя и показная) тогдашнего общества. Это удивительно: поклонники исключительно морального взгляда на вещи («Ленин — преступник!!! Сталин — преступник!!!»), как будто никаких других оценок этим личностям, кроме моральных, и быть не может) очень хотели бы выйти из стеснительного круга моральных привычек, который многим из них мешал — как это с ужасающей ясностью показала позднейшая «демократия» — мешал стать на четвереньки. Это жестоко сказано, но если бы дела обстояли иначе, то переворот 1991 г. не начал бы эпоху спаивания народа сивухой соблазнов и извращений.

Мораль, именно мораль «надавила затылок» интеллигенции тех лет. Революционное мировоззрение в своих главных чертах можно определить как воинствующее безбожие в сочетании со жгучим светским морализмом, т. е. морализмом не ради спасения души, а ради государственного блага (прививка XVIII века) Так вот, не атеизм опостылел просвещенному

классу, а именно мирская мораль, по своему происхождению — обедненные и упрощенные Десять заповедей. Если бы интеллигенция враждовала с революционной властью потому, что хотела большего! К сожалению, ей хотелось гораздо меньшего — т. е. благополучия в сочетании со свободой от нравственных норм, каковые она и получила после 21 августа 1991 года...

О происхождении нестерпимого морализма, свойственного русской интеллигенции, можно предположить, что он был последним остатком выцветшей православной религиозности, как современный североамериканский наступательный морализм — остаток выцветшей религиозности протестантской. Если действительно «идейность» вырастает на разрушенной, выветренной религиозной почве, и притом не всякой — это дает возможность для любопытных предсказаний и толкований прошлого. Я, например, вполне уверен, что американское государство движется, в общих чертах, по той же дороге, какой следовала Россия конца XIX-начала XX столетий — не скажу большего. Можно заключить также, что только православие и протестантство последователей Кальвина создали достаточное духовное напряжение, достаточную жажду спасения души, которые, хотя выцвели в поколениях, но оставили прочный след в виде мирской морали и жажды (мирского же) «добра» (употребляю кавычки, поскольку это мирское «добро» никакого отношения к благу души не имеет и может даже совершенно с ним расходиться).

Можно предположить, что создание «идеологии» возможно только на некогда религиозной почве, из которой, однако, настоящая религиозность выветрилась, и в образованных пустотах помещаются совсем другие чувства и мысли. Для ее появления нужно, во-первых, чтобы религия была, во-вторых, чтобы она ушла, в-третьих, чтобы она оставила прочные следы, причем следы определенного рода, а именно — чтобы она научила человека печься о спасении своей души. Только на этой почве возникает здание земного храма без Бога, в котором человек поклоняется человеку — тирану или законопослушному муравью. По мере разрушения религиозной этики забывается сам смысл стремления к добру; само назначение добра, как пути к спасению души. Из средства добро постепенно делается самодовлеющей силой. На место религии ставится мораль. Пафос спасения души превращается в пафос осуществления и распространения определенным образом понимаемых моральных ценностей... В первый раз это случилось во Франции XVIII века, но там политическое господство яростных моралистов (и одновременно, надо заметить, яростных человекоубийц) продлилось недолго — возможно, и потому, что не имело для себя доброй почвы.

Русская интеллигенция считала как правительство, так и государство чем-то лишним, зловредным, подлежащим упразднению, и уж во всяком случае враждебным. На самом же деле, в осуждении правительства всегда следует быть умеренным, помня, что быть вполне враждебным своему государству правительство не способно, хотя и может заблуждаться относительно государственного блага и путей его достижения.⁴ Там, где не было ничего, кроме спора о путях и средствах, интеллигенция увидела столкновение избранных ко спасению праведников и проклятых грешников — нужно ли говорить, кто примерял на себя белые одежды?.. Здесь корень всех русских потрясений. Отвергнув христианство, возненавидя Бога, забыв об истинном смысле добра как средства для спасения души, а не самодовлеющей цели — интеллигенция сохранила старинный уклад мысли, позволяющий упиваться чувством собственной праведности даже вопреки подавляемому голосу совести. Ведь, в конце концов, чем были «Вехи», как не голосом этой издавна заглушаемой совести?.. И как этот голос утонул в возмущенных криках!...⁵ Смотря на революцию, на всё ее протяжении от 1917 до 1991, нужно прежде всего

⁴ В истории мало случаев откровенно враждебных своим народам правительств, и все они возникали во времена революции, а не реакции. Ожесточенные ленинцы, якобинцы или вяло-порочные, свободу принявшие за «право на бесчестие» торговцы Россией времен Бориса Ельцина... Всех их привела к власти революция.

⁵ Мои нападки на интеллигенцию могут показаться немилосердными и излишними, я знаю. Однако они вызваны одной лишь твердой убежденностью в том, что нам, русским, необходимо вернуться в историю из мира моралистических грез. Веру в

сойти с моральной почвы, чтобы увидеть истину. Достаточно вспомнить, что осуждение революции у ее великих противников (Струве, Ильин, Бунин, Франк...) не было исключительно моральным. В событиях 1917 — 1927 гг. они видели разрушение великого государственного и культурного целого, движение вспять, отказ от веков созидательного труда... Совсем иного духа было новейшее отрицание революции. Не измену национальной культуре и христианской религии видели в ней люди 1970 гг., но помеху на пути окончательного и полного присоединения к Западу. «Не то плохо в революции, что она разрушила старую Россию — оно бы и ладно; но то, прежде всего, что она не дает новой, современной России окончательно соединиться с Западом», так рассуждали многие. И вышло по их хотению... Россия присоединилась к Западу и — окончательно ли? — отказалась от себя.

II

Т. н. «советская власть» и интеллигенция были связаны странной и нерушимой связью. Если «партия» и преследовала интеллигенцию на всем протяжении своего правления, то она в ней и нуждалась, ибо кто же, кроме выходцев из этого слоя, мог служить проводником партийной политики? Большевизм был порождением русской интеллигенции, восстанием одной части русского духа на другую, и в этом отношении имел почву и преемственность (в отличие от «демократии» 1917 и 1991 гг., которая русской почве была совершенно чужда). Идеиный террор советского времени только мерой и степенью воздействий отличался от полемических приемов русских либералов-демократов от «Современника» до Милюкова; он укоренен и имеет образцы в истории несчастной русской «идейности», хотя воспроизводит их с учетом постоянного понижения уровня и кругозора — и возрастания общественной силы. 1917 год был торжеством русской «идейности», хотя готовилось это торжество загодя. Вот почему конец советского строя в 1991 году оказался и концом русской интеллигенции, насколько об этом можно судить.

При этом нужно признать, что в советской России после 1927 г. в основном признавались русские культурные ценности, хотя и в уплощенно-идейном, утилитарном понимании, свойственном либералам и демократам от Добролюбова до Милюкова. Однако в области самостоятельного творчества революционное время оказалось совершенно бесплодно. Памятником эпохе останется не культура (которой, в смысле свободной, самозаконно развивающейся духовной жизни, в советской России не было), но пропаганда. Победило добролюбовское понимание литературы и всякого творчества вообще. «Классиков» чтили в основном на словах; писать же велели так, чтобы не затрагивались никакие из великих вопросов духа: о Боге, о душе, о смысле жизни (тогда как только эти вопросы и являются плодотворными, и именно над ними трудилась русская мысль на протяжении всего XIX столетия); неудивительно бесплодие «советской литературы»! Эта литература кормила и перекармливала читателя «идеями» — до тех пор, пока не вызвала у него полное отвращение не только к «идеям», но и ко всем вопросам высшего порядка, что так ядовито отозвалось на литературе «освобожденной» России в 1990-е годы. Однако надо признать и то, что, будучи утилитарно-идейной, эта литература была и целомудренной, и задачу растления читателя не ставила перед собой никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.